

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед

Исполнилось двадцать лет со дня смерти выдающегося советского историка-источниковеда, одного из крупнейших исследователей древнерусского летописания — Михаила Дмитриевича Приселкова.

М. Д. Приселков родился в 1881 г., в Петербурге, в семье священника. В 1899—1903 гг. он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Первые печатные работы М. Д. Приселкова относятся к 1903 г., а с 1911 г. в печати появился ряд статей, связанных с темой первой большой работы М. Д. Приселкова, его магистерской диссертации «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», опубликованной в 1913 и защищенной в 1914 г. Уже в этой работе М. Д. Приселкова важнейшую роль играли источники по древнерусской истории и те новые приемы работы над ними, которые были введены в науку А. А. Шахматовым. В последующие годы, преподавая на Бестужевских высших женских курсах, в Психоневрологическом институте и в Университете (с 1907 г. — приват-доцент, с 1917 г. — доцент, с 1918 г. — профессор), М. Д. Приселков пишет ряд исследований источниковедческого характера, среди которых должна быть названа книга «Ханские ярлыки русским митрополитам» (1916), научно-популярная книга «Нестор-летописец» (1923) и ряд статей по истории летописания XII—начала XV в. В этот период М. Д. Приселков начинает большую работу, осуществленную им много лет спустя, — реконструкцию сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи. В 20-х годах М. Д. Приселков ведет и научно-экспозиционную работу в историко-бытовом отделе Русского музея (с 1928 г. он полностью переходит на работу в Музей из Университета); с этой темой связан и ряд его печатных работ.

Новый период научной деятельности М. Д. Приселкова начинается с 1936 г. В эти годы М. Д. Приселков вновь возвращается к работе в Ленинградском университете и к своим исследованиям по истории летописания. За сравнительно короткий период в печати появляется ряд его важнейших работ по древнерусскому летописанию; в 1939 г. была написана и защищена докторская диссертация М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» (опубликована в 1940 г.). М. Д. Приселков издает важнейшие труды А. А. Шахматова, остававшиеся до того времени не опубликованными («Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»; «Повесть временных лет», ч. II), он выдвигает план второго, по-новому построенного издания «Полного собрания русских летописей»¹ и приступает к реализации этого грандиозного плана.

¹ План этот опубликован в книге: С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 139—141, примечание.

Не менее яркой была педагогическая деятельность М. Д. Приселкова в эти годы. Замечательный преподаватель, бессменный руководитель студенческого научного кружка, Михаил Дмитриевич пользовался единодушной и заслуженной любовью студентов. В этой любви Михаил Дмитриевич имел возможность убедиться 17 июня 1939 г., во время защиты его докторской диссертации; недаром, публикуя свою книгу, он посвятил ее в память об этом дне «Студенчеству исторического факультета Ленинградского государственного университета». В 1940 г. М. Д. Приселков был назначен деканом исторического факультета. Внезапная болезнь и смерть 19 января 1941 г. оборвала научные и педагогические планы М. Д. Приселкова.

Неизменным свойством работ М. Д. Приселкова был их новаторский характер — они постоянно вызвали оживленные дискуссии в научной литературе. Горячие споры вызвала уже его первая книга (магистерская диссертация) «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.». Особенно резкими были отзывы рецензентов этой книги — А. Королева и В. Завитневича. А. Королев обвинял М. Д. Приселкова в нежелании «считаться с трудами весьма почтенных ученых, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге», и выражал надежду, что русская наука «не пойдет по тому пути, на который ее приглашает в своей книге г. Приселков». Интерес к книге М. Д. Приселкова был, по мнению А. Королева, вызван «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится и в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние не были парадоксальны».² Еще энергичнее высказал те же возражения профессор Киевской духовной академии В. Завитневич. Особое возмущение автора вызвало недостаточное знакомство М. Д. Приселкова «с юбилейной литературой, вызванной празднованием 900-летия крещения Руси»; из дальнейших ссылок рецензента выяснялось, что речь идет в основном о его собственной статье «Владимир святой как политический деятель».³ Но главную «соль» труда М. Д. Приселкова В. Завитневич видел не в недооценке юбилейной литературы о крещении Руси, а в приверженности М. Д. Приселкова к исследованиям А. А. Шахматова, к которым сам рецензент относился с нескрываемой враждебностью. Считая работу М. Д. Приселкова образцом «научного футуризма», В. Завитневич писал: «Такое сочинение только в шутку можно назвать научной диссертацией... Если бы подобные научные приемы восторжествовали, история навсегда должна была бы отказаться от надежды добыть подлинно научную истину, заменив последнюю бредом досужей фантазии».⁴

Было бы неверным считать эти рецензии выражением общей оценки труда М. Д. Приселкова, сложившейся в предреволюционной науке, и видеть, таким образом, в молодом исследователе фигуру, одинокую в историографии того времени. Исследователи, несравненно более авторитетные, нежели процитированные рецензенты, — А. А. Шахматов, Е. В. Аничков,⁵ М. С. Грушевский⁶ — оценили книгу М. Д. Приселкова как «превосходный труд», возбуждающий научную мысль и открывающий новые пути в науке. Правда, и они не приняли многих выводов и гипотез автора. Ряд возражений М. Д. Приселкову высказал и А. А. Шахматов, упрекнувший диссертанта в том, что он поставил между своим исследованием и основ-

² ЖМНП. СПб., 1914, № 10, стр. 387—400.

³ Труды Киевской духовной академии, кн. IV. Киев, 1914, стр. 634—635, 639, 645.

⁴ Там же, стр. 651.

⁵ Е. В. Аничков. Новая гипотеза о происхождении русской церкви. — Отклики (приложение к газете «День»). СПб., 1914, № 4.

⁶ Голос минувшего, I. М., 1914, стр. 307—311.

ным его источником — летописью «исследование Шахматова» о древнейшем летописании⁷ и в нескольких местах своей работы даже цитировал летописные тексты по реконструкциям Шахматова.⁸ Значение этих замечаний Шахматова, нередко приводимых в научной литературе,⁹ не следует, однако, на наш взгляд, преувеличивать. Реконструкции древнейших летописных сводов в работах А. А. Шахматова представляли собой наглядное выражение его источниковедческих гипотез, — гипотезы такого рода могут быть изложены и в позитивной форме, и в виде стемм или реконструкций. Как и всякие рабочие гипотезы, гипотезы Шахматова не были, конечно, «вещью в себе», а предназначались для того, чтобы последующие исследователи на них опирались, строя выводы второй степени (подобные выводы, их возможность и соответствие фактическому материалу и являются, как известно, способом проверки рабочей гипотезы). Ссылаясь на шахматовские реконструкции, М. Д. Приселков выражал тем самым согласие с А. А. Шахматовым, признавая тот или иной текст (из «Повести временных лет», или из Новгородской I летописи) более ранним, восходящим к одному из источников «Повести временных лет»; он мог бы, конечно, сослаться на самый текст, использованный в реконструкции, и на соответствующее место исследования Шахматова, но предпочел данную, более лаконичную форму ссылки. Такая форма построения работы была не очень удачной, ибо она вызывала особенное раздражение у противников шахматовского метода, подобных Завитневичу, и сам А. А. Шахматов считал необходимым ее отвергнуть. Но А. А. Шахматов нисколько не сомневался в том, что М. Д. Приселков «критически анализировал» его предположения (в некоторых случаях он и не соглашался с ними)¹⁰ и уж, конечно, не принимал реконструкций Шахматова за реально дошедшие тексты.

Дальнейшие труды М. Д. Приселкова создали ему огромный авторитет именно в той области, в которой он продолжал труды А. А. Шахматова, — в области истории летописания. В центре внимания М. Д. Приселкова оказывается летописание времени феодальной раздробленности Руси и в особенности летописные своды XIV—начала XV в. Оставаясь в этих работах верным шахматовскому методу привлечения всего относящегося к данной теме летописного материала (методу «больших скобок»), М. Д. Приселков перестраивает, в сущности, всю схему летописания XIII—XV вв., данную А. А. Шахматовым.¹¹ Специально предметом исследования М. Д. Приселкова были Лаврентьевская и сторевшая в 1812 г. Троицкая летописи. Из числа статей, посвященных Лаврентьевской летописи, следует особо упомянуть небольшую, но чрезвычайно методологически поучительную статью «Формат Летописца 1305 г.» (1928 г.) — под-

⁷ Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 137.

⁸ А. А. Шахматов. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 2 (№ 4). СПб., 1914, стр. 45.

⁹ Ср., например: Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 17; 2) К вопросу о реконструкции древнерусских текстов. — ИА. М., 1957, № 6, стр. 157, 158.

¹⁰ Так, например, М. Д. Приселков возражал А. А. Шахматову, полагавшему, что легенда об Андрее Первозванном читалась уже в Несторовой редакции «Повести временных лет», и убедительно доказывал, что легенда эта связана с династией Мономаха и появилась в редакции Сильвестра [М. Д. Приселков. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 160—162; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 39—40, 42—43].

¹¹ Перечисление работ М. Д. Приселкова по летописанию, как и всех остальных его трудов, см. ниже в составленном Д. А. Казачковой «Хронологическом списке трудов М. Д. Приселкова» (стр. 476—480).

линный шедевр текстологии. Работа М. Д. Приселкова над Троицкой летописью была завершена монументальным трудом — реконструкцией текста Троицкой летописи, изданной уже после смерти автора. И наконец вся работа над летописанием привела М. Д. Приселкова к созданию «Истории русского летописания XI—XV вв.» — первой в русской историографии работы подобного типа.

Роль М. Д. Приселкова как крупнейшего исследователя русского летописания и идеологической жизни древней Руси в целом не вызывает сомнений — она неоднократно отмечалась в историографии. Однако нам представляется, что значение М. Д. Приселкова как источниковеда все-таки недостаточно оценено в нашей литературе. Недооценка эта обнаружилась, в частности, в той резкой и весьма несправедливой критике, которую встретила последняя изданная при жизни работа М. Д. Приселкова — его статья «Киевское государство второй половины X века по византийским источникам» (к значению этой работы мы еще вернемся ниже). В 1944 г., при переиздании своей «Киевской Руси», Б. Д. Греков счел необходимым вставить в эту книгу несколько замечаний об этой статье М. Д. Приселкова.¹² Иронически заметив, что у М. Д. Приселкова было «свое собственное представление о Древнерусском государстве», Б. Д. Греков писал: «М. Д. Приселков в названной статье ставит своей задачей изучить Древнерусское государство второй половины X века на источниках византийских, исходя из положений, что „Повесть временных лет“ — источник „искусственный и мало надежный“ и что греческие источники в своих данных о Руси якобы „более надежны“. К этим последним он причисляет: 1) договоры с греками, как известно, сообщенные отвергнутой автором „Повестью временных лет“, 2) сочинения Константина Багрянородного, известного русофоба..., 3) „Историю“ Льва Диакона, которая о Руси говорит очень мало... Ограничив себя узким кругом источников и a priori признав византийские сведения более достоверными, чем русские, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Древнерусского государства столь же смелый, сколь и неубедительный».¹³ К взгляду Б. Д. Грекова присоединился и И. У. Будовниц, также полагавший, что «без всяких к тому оснований М. Д. Приселков отдаст предпочтение византийским источникам перед русскими».¹⁴ С этим была связана и общая оценка научной деятельности М. Д. Приселкова, данная в статье И. У. Будовница — единственной в историографии работе, специально посвященной М. Д. Приселкову. Отдавая должное М. Д. Приселкову, как автору первого обобщающего труда по истории русского летописания, как живому и яркому исследователю и прирожденному педагогу, И. У. Будовниц считал, однако, что преувеличение М. Д. Приселковым значения Византии и византийских источников при изучении истории Киевской Руси «обедняет русскую культуру, сводит на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».¹⁵

Замечания, высказанные Б. Д. Грековым и И. У. Будовницем, являются, в сущности, замечаниями не по адресу: ни в упомянутой статье, ни в каких-либо других работах М. Д. Приселков никогда не высказывал приписываемого ему нелепого взгляда, будто византийские сведения как таковые a priori ценнее русских. Если бы он так думал, он действительно

¹² Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 4-е. М.—Л., 1944, стр. 163. Ср.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, М., 1959, стр. 227.

¹³ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 227.

¹⁴ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — Изв. т. 35, М., 1950, стр. 229.

¹⁵ Там же, стр. 231.

сразу же натолкнулся бы на отмеченный Б. Д. Грековым факт, который ему был известен не хуже, чем его оппонентам (он отмечал его как раз в отвергнутой Б. Д. Грековым статье), — что договоры с греками, которым он придавал значение первостепенного источника, читаются как раз в составе «Повести временных лет».¹⁶ Мысль, лежащая в основе статьи М. Д. Приселкова, весьма проста и ясна: он указывает, что «Повесть временных лет» составлена в начале XII века; поэтому для изучения истории X века предпочтение должно быть дано не этому относительно позднему памятнику, а источникам X в., как современным.¹⁷ Отвергать эти источники на том основании, что они (кроме договоров с греками) византийского происхождения, было бы по меньшей мере странным: это было бы так же неверно, как отвергать, например, Хронику Конрада Буссова как источник по истории восстания Болотникова, предпочитая ей, скажем, «Историю царя Василия Ивановича Шуйского» Татищева только потому, что эта последняя отечественного происхождения.

Приведенные примеры критики работ М. Д. Приселкова интересуют нас не сами по себе — к конкретным историческим вопросам, поставленным в трудах М. Д. Приселкова, наша наука будет иметь возможность обратиться еще не раз.¹⁸ Споры и дискуссии, возникшие в связи с трудами М. Д. Приселкова, заслуживают особого внимания потому, что они позволяют разобраться в особенностях его научного метода.

Пытаясь определить характерные черты научного метода М. Д. Приселкова, мы должны сразу же оговорить, что они присущи не только дан-

¹⁶ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Ученые записки ЛГУ. Л., 1940, № 73, стр. 216—217, 229. М. Д. Приселков знал и принимал во внимание вывод С. П. Обнорского, что договоры с греками были составлены в одно время на греческом и славянском языках (там же, стр. 241).

¹⁷ Там же, стр. 215—217. Заметим, кстати, что в своей статье М. Д. Приселков предлагал не отвергнуть «Повесть временных лет», а проверить ее по более ранним источникам, — задача, чрезвычайно важная именно для исследования летописания.

¹⁸ Мы не останавливаемся здесь, в частности, на вопросе о характеристике так называемого Древнейшего свода 1037 г. — вопросе, привлекавшем внимание исследователей в последние годы. Вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Приселков считал, что Древнейший свод был создан при кафедре грека-митрополита Феопемпта и отражал политические тенденции этой кафедры (ср., например: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 26—29). Многие наблюдения над древнейшим слоем киевского летописания, сделанные советскими исследователями, дают основание сомневаться в правильности шахматовской характеристики Древнейшего свода: против этого говорит, например, фольклорный характер ряда рассказов, отнесенных А. А. Шахматовым к Древнейшему своду, сочувственное изображение летописцем князей-язычников, отсутствие сходства между эгими рассказами и греческими хрониками и т. д. [ср.: Д. С. Лихачев: 1) Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — Исторический журнал. М., 1943, № 7, стр. 29—31; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 59—70]. С другой стороны, исследователи, оспаривавшие мнение А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, не дали еще объяснения тому обстоятельству, что в тексте древнейшего летописания, сохраненного «Повестью временных лет», явно обходятся некоторые сюжеты, неприятные для Византии; например, ничего не говорится о подозрительной роли греков в гибели Святослава (о чем сообщают даже византийские авторы), и виновником своей гибели оказывается сам Святослав (ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 27). Но как бы мы ни решали вопрос о составе и тенденциях Древнейшего свода, это не может иметь никакого влияния на общую характеристику древнерусской культуры. Так называемый Древнейший свод представляет собой лишь один из источников (точнее — источник источника) «Повести временных лет»; в числе источников «Повести временных лет» были, несомненно, и греческие хроники; считая этот свод русским сочинением, созданным при кафедре грека-митрополита, М. Д. Приселков ни в какой мере не «обеднял русскую культуру», тем более, что характернейшей чертой «Повести временных лет» и печерского летописания вообще он считал как раз противовизантийскую направленность.

ному исследователю, но и ряду других историков-источниковедов. Однако в научном творчестве М. Д. Приселкова эти черты получили наиболее яркое выражение, и именно поэтому его работы вызывали столь решительные протесты сторонников иных исследовательских приемов.

Основной особенностью научного метода М. Д. Приселкова представляется нам разрушение своеобразной иллюзии «дуализма» исторического знания, очень широко распространенной в нашей науке. Все, что мы знаем о прошлом, мы знаем из источников. В применении к новой истории речь идет о множестве источников самых разнообразных типов, дающих богатую картину данной эпохи. Что же касается средневековой и древней истории, то здесь речь идет часто о пяти, трех, двух, а в некоторых случаях и об одном источнике. Однако большинство людей изучает историю не по источникам, а по связным историческим курсам, и у них (в том числе и у историков, когда они обращаются к исследовательской работе) сохраняется иллюзия исторического знания «вообще», лишь дополняемого теми или иными показаниями источников.

Мы знаем, что Иван IV был Грозным, что князь Курбский бежал от него, прислав к царю Василию Шибанову с укоризненным письмом, что Иван Сусанин заманил поляков в лес и погубил их и т. д. Но откуда мы это знаем? Сколькими и какими источниками это подтверждается? Об этом мы вспоминаем не часто. Многие ли, например, из говорящих и пишущих о подвиге Сусанина думают о том, что наше представление об этом подвиге основывается на единственном источнике — грамоте Михаила Федоровича зятю Сусанина Собинину и всецело зависит от той или иной оценки этого источника? Наши исторические знания кажутся нам обычно не суммой показаний, извлеченных из источников, а сплошным потоком «общеизвестных» и менее известных фактов. Древние греки прямо говорили о молве, «фэмэ», продолжающей жить после свершения события; современные люди сохраняют эту «фэмэ» в подсознании.

Именно в этом — корни споров, возникших вокруг работ М. Д. Приселкова о Киевской Руси. Исследователи, возмущавшиеся излишней смелостью гипотез М. Д. Приселкова, представляли дело так, как будто гипотезы эти противостояли какой-то связной, прочно установленной «почтенными учеными» истории этого периода. В действительности же речь идет о периоде, где источников ничтожно мало, иногда просто нет, и никакое решение, кроме гипотетического, невозможно. Еще раз напомним важнейшее положение, особенно подчеркнутое М. Д. Приселковым в его последней работе, но бывшее предпосылкой всех его построений по древнейшей истории Киевской Руси. Имеющаяся в нашем распоряжении древнейшая киевская летопись составлена в начале XII в.; лежащие в ее основе текущие погодные записи стали вестись только в 60-х годах XI в.;¹⁹ до этого времени регулярно и систематически ведущегося летописания не существовало. Составитель «Повести временных лет» не только был отдален от истории X в. на два века, но, за исключением договоров с греками, не имел никаких письменных источников этого времени; он опирался здесь на устную, фольклорную традицию, которую он в основном не мог даже проверить. А к этому надо прибавить еще и тенденциозность летописца и его средневековое, художественно-легендарное отношение к прошлому. Не удивительно, что история Киевской Руси до середины XI в., столь связно и поэтично звучащая в общем курсе, изобилует загадками, «белыми пятнами». В конце X в. происходит «крещение Руси»; первый из-

¹⁹ Ср.: М. Д. Приселков. 1) История русского летописания XI—XV вв., стр. 24; 2) Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 215.

вестный нам из летописи митрополит появляется лишь в середине XI в. Как же была устроена до этого времени церковная иерархия — эта сложная и обязательная в греко-православной церкви организация? Критикам М. Д. Приселкова казалось излишне смелым предложенное им решение этого вопроса; но они не хотели замечать, что вопрос этот до Приселкова оставался нерешенным и требовал какого-то решения.²⁰ На это обстоятельство справедливо обратил внимание такой тонкий источниковед, как А. Е. Пресняков. Он заметил, что как ни спорна гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви в конце X—начале XI в. Охридской патриархии, «она, в общем, не больше вызывает сомнений, чем ходячее предствление о каких-то „митрополитах“ при Владимире, и, несомненно, выросла из прямой научной потребности объяснить темноту известий о ранних русских церковных отношениях».²¹

Еще хуже обстоит дело с историей дохристианской Руси. Где проходили южные границы Киевской Руси в середине X в.? Сколько было договоров между Русью и Византией? Что представляли собой «светлые великие князья и великие бояре» вместе с Игорем, заключавшим договор с Византией? Авторы, осуждавшие М. Д. Приселкова за обращение к византийским источникам X в., не заметили, что только эти источники дали возможность М. Д. Приселкову дать хотя бы гипотетический ответ на вопросы, не разрешенные с помощью одной «Повести временных лет». На основании анализа договоров с греками и показаний Константина Багрянородного М. Д. Приселков с большой убедительностью показал, например, что русские владели в X в. частью Крымского полуострова и Азовское море находилось внутри русской территории.²²

Значение своеобразного источниковедческого «монизма» М. Д. Приселкова становится особенно ясным при конкретном историческом исследовании. Если источник является единственной основой исторического знания, то оценка достоверности того или иного факта всецело зависит от общей оценки источника, который о нем сообщает; желая узнать, достоверен ли данный факт, мы прежде всего должны ответить на вопрос: достоверен ли источник, сообщающий о нем? В своей педагогической работе М. Д. Приселков постоянно выступал против такого отношения к источнику, которое он называл «потребительским»,²³ — когда историк, подходя

²⁰ Любопытно, что гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви болгарской Охридской патриархии, отвергнутая в 1914 г. всеми его оппонентами, получила затем широкую поддержку в иностранной историографии. Ср., например: Н. Косч. *Byzanz, Oehrid und Kiev 987—1037*. *Kyrios*, Bd. 3 (1938), стр. 253—292. Обзор литературы вопроса см.: L. Müller. *Zum problem des hierarhisches Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. — Osteuropa und der deutsche Osten*, R. III, Bd. 6. Köln—Braunsfeld, 1959, стр. 12—17.

²¹ А. Е. Пресняков. *Лекции по русской истории*, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 112.

²² М. Д. Приселков. *Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам*, стр. 219—223.

²³ Термин «потребительское отношение к источнику» был довольно распространен в исследовательских кругах в 30-х годах; «автор» этого чрезвычайно удачного термина неизвестен. Нам известен лишь один случай употребления этого термина в печати: в 1934 г., при обсуждении работы Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в древней Руси» (первоначальный вариант будущей «Киевской Руси»), известный источниковед С. Н. Чернов определил отношение Б. Д. Грекова к источнику (в частности, к «Повести временных лет») как «в известной мере потребительское»: «Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и своих частях. В источниках, по которым он изучает рабовладение Киевской Руси, он как бы имеет несколько очень вкусных блюд и спокойно вкушает их, не интересуясь, как эти блюда высокого напряжения приготовлены» (*Известия Гос. академии материальной культуры*, вып. 86. М.—Л., 1934, стр. 111—112).

к источнику как к своеобразному универсальному магазину, выбирает из него то, что кажется ему вероятным с некоей предвзятой точки зрения. Принципиальным защитником такого «потребительского» отношения к источнику был критик М. Д. Приселков В. Завитневич. Возражая против источниковедческих приемов М. Д. Приселкова, он противопоставлял им «внутреннюю критику» источника, основанную на понимании историком «духа эпохи»: «Такой осторожный историк, как С. М. Соловьев, даже Иоакимовскую летописью пользовался, когда находил, что сообщаемые ею данные гармонируют с духом эпохи».²⁴

Примеров такого «потребительского отношения к источнику» можно найти в историографии множество, вплоть до нашего времени. Особенно часто объектом такого «потребительского», выборочного использования бывает В. Н. Татищев. «Потребительски» используется рассказ «Казанского летописца» о свержении татарского ига: отбрасывая «легендарные подробности», исследователи оставляют факты, которые им представляются достоверными;²⁵ так же интерпретируется житийный рассказ о Невской битве²⁶ и т. д.

Конечно, в историографии возможно частичное использование того или иного источника — признание одних его известий более достоверными, а других менее достоверными, но очевидно, что такое частичное использование должно вытекать из анализа самого источника, его характера, состава и происхождения. Именно это обстоятельство настойчиво подчеркивал М. Д. Приселков. «Если историк, — указывал он в своей «Истории русского летописания», — не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас всевозможных наблюдений над данным источником..., а с другой стороны, историк может нередко впасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно...».²⁷

Основным предметом источниковедческих исследований М. Д. Приселкова было (как мы видим и из только что приведенной цитаты) древнерусское летописание. В этом отношении работы его, как он сам многократно указывал, были теснейшим образом связаны с тем коренным переворотом, который произвел в исследовании русского летописания А. А. Шахматов. «Из истории нашей умственной жизни, — писал М. Д. Приселков в 1920 г., — рукою А. А. (Шахматова, — Я. Л.) удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты. Летописи встают перед нами как памятники страстной политической борьбы, а летописцы являются ее участниками или перьями в руках главнейших политических деятелей... С другой стороны, мне кажется, А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и

²⁴ Труды Киевской духовной академии, кн. IV, стр. 635.

²⁵ Ср., например: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 162—163.

²⁶ Ср., например: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1 М., 1953, стр. 842—845. Автор пользуется рассказом Новгородской I летописи младшего извода (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 292—294), но произвольно выбирает из него все естественно возможные факты и опускает «чудесные» (явление Пелгусию святых Бориса и Глеба, враги Александра, «избиенные от аггел божиих», и т. д.), не пытаясь анализировать рассказ источниковедчески (ср.: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописи. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 230—233)

²⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6

рассказывать о тех эпохах русской истории, о которых говорит летопись, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе через изучение сводов, зародившихся в ту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочитать то, о чем и как говорит летопись».²⁸ Тесно связывая свои исторические построения с филологическими трудами А. А. Шахматова, М. Д. Приселков, однако, с самого начала своей научной деятельности отчетливо осознавал отличие стоящей перед ним задачи от научных задач, стоявших перед его предшественником. Возражая во время своего магистерского диспута С. Ф. Платонову, М. Д. Приселков говорил, что «для А. А. Шахматова текст — цель, для него же самого цель — история».²⁹ Задача перестройки истории всей древней Руси под углом нового подхода к летописанию была поставлена в историографии не А. А. Шахматовым, а М. Д. Приселковым.

Задача эта, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и в наше время; ее никак еще нельзя считать решенной. До сих пор, широко используя летописи, мы еще не учитываем тех специфических тенденций, которые проходят через большинство дошедших до нас летописных сводов и окрашивают все изложение этих сводов. М. Д. Приселков впервые обратил внимание на то, что традиционная схема, согласно которой политический центр жизни древнерусских княжеств перешел в XII в. из Киева во Владимир, была создана владимирским великокняжеским сводом 1177 г., а из него перешла в более позднее владимирское и московское летописание. «С удивлением видим, — указывал М. Д. Приселков, — что схема эта была принята как основа ученого построения хода русской истории в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX веков, слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX веков. Ключевский, как известно, формулировал эту политическую мысль владимирского сводчика 1177 г. как будто итог своих научных разысканий. . . Однако как для времени своего появления, так и для последующих времен построение владимирского политика и летописателя грешило самым решительным искажением фактов, понятным и простижимым для сводчика 1177 г., закрывавшего глаза, в виду страстной борьбы за эту идею, на многие факты, его идее противоречащие, но совершенно непонятым и непростижимым для историков, без изучения фактов прошлого, без критики летописных текстов пошедших за этим построением конца XII века».³⁰

Не менее глубокий след оставили в историографии и политические тенденции московского летописания.³¹ До сих пор, говоря о борьбе Москвы за объединение русских земель, о соперничестве московских князей с другими политическими силами Руси, мы в значительной степени опираемся не на действительные факты (которые могут быть установлены лишь путем критического исследования всех доступных источников), а на тенденциозные рассказы московских летописцев. Едва ли это допустимо: признавая прогрессивный характер объединения Северо-Восточной Руси в XV в., мы вовсе не должны при этом представлять себе это объединение в тех идил-

²⁸ М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., 1922, т. XXV, стр. 134. Ср. аналогичное замечание в его более ранней рецензии на В. Пархоменко: ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, СПб., 1914, стр. 368.

²⁹ Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 138 (протокольный отчет).

³⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 73.

³¹ Там же, стр. 6, 7, 10, 136—139, 176, 183—186.

лических красках, которыми рисовали его придворные великокняжеские летописцы.

Не получил в нашей исторической науке окончательного разрешения и еще один вопрос, поставленный М. Д. Приселковым, — вопрос об организации и непосредственном назначении летописной работы в древней Руси. Объяснялась ли тенденциозность летописца только его политическими симпатиями, сочувствием той или иной стороне или летописец был официальным историографом той или иной духовной или светской власти? По отношению к большинству летописных сводов М. Д. Приселков во всяком случае склонялся ко второму решению этого вопроса. Летопись была, по его мнению, «политическим документом», причем до середины XV в. она была «документом международного значения»: борясь между собой в Золотой Орде, соперники-князья доказывали перед ханами свои права «летописцами»;³² наличие независимого от великокняжеской власти митрополичьего летописания объяснялось тем, что «митрополия всяя Руси» была независима от отдельных (московских, литовских или тверских) великих князей. С середины XV в., после раскола между московской и литовской митрополиями, московские митрополиты попадают в зависимость от московских великих князей; «летописи утрачивают теперь свой былой смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования»;³³ именно поэтому официальное митрополичье летописание становится, по мнению М. Д. Приселкова, с середины XV в. невозможным.³⁴

Этот последний вывод М. Д. Приселкова вызвал возражения в историографии. А. Н. Насонов, исследовавший ряд летописных сводов конца XV—начала XVI в., обнаружил в них (особенно в летописном своде, лежащем в основе Софийской П—Львовской летописи) явные следы близости и сочувствия к митрополичьей кафедре, и конкретно к митрополиту конца XV в. Геронтию, стоявшему в ряде вопросов в оппозиции к великокняжеской власти. А. Н. Насонов видит в этом факте доказательство существования митрополичьего летописания конца XV в.³⁵

Однако характер этого летописания остается в построении А. Н. Насонова все-таки неясным. Была ли обнаруженная им летопись летописью «промитрополичьей», сочувствующей митрополиту (скажем, летописью какого-то монастыря) или это была официальная летопись митрополита? По-видимому, А. Н. Насонов склоняется ко второй точке зрения — он даже специально доказывает неприменимость к митрополичьему летописанию конца XV в. понятия «неофициального» летописания.³⁶ Но могла ли официальная летопись митрополита, «документ международного значения» — по терминологии М. Д. Приселкова, выступать в конце XV в. со столь резкой и непримиримой враждебностью к московскому великому князю всея Руси, какую мы находим в исследованном А. Н. Насоновым своде? Ведь Геронтий не был уже независимой фигурой «международного значения», как митрополиты до середины XV в.; он был обязан поставленным на престол только великому князю (а не константинопольскому патриарху) и не мог открыто выступать против него. Знал ли великий князь, что писалось в «официальной летописи» его митрополита? Для кого она предназначалась? Для того чтобы считать промитрополичий свод

³² Там же, стр. 10.

³³ Там же, стр. 176.

³⁴ Там же, стр. 162—164.

³⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. М., 1930, № 10, стр. 715—716.

³⁶ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания — Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 269.

конца XV в. «официальной летописью» митрополита, А. Н. Насонову необходимо вновь вернуться к вопросу, поставленному М. Д. Приселковым, но не решенному до конца в нашей науке: о назначении летописи, о той практической и документальной роли, какую играл этот памятник.

Далеко еще не оцененное по достоинству научное наследие М. Д. Приселкова открывает перед нами, как мы видим, целый ряд важнейших вопросов истории древней Руси. Но источниковедческие принципы М. Д. Приселкова имеют значение не только для изучения древней русской истории. Не меньшее значение имеют они и для исторической науки в целом — для решения общих вопросов методологии исторической науки.

На первый взгляд такое утверждение может показаться неожиданным. М. Д. Приселков не был историком-теоретиком; предметом его внимания были конкретные исторические вопросы. Как ученый М. Д. Приселков складывался до революции, под влиянием старой историографической школы, и в первую очередь А. А. Шахматова. Однако с самого начала научной деятельности М. Д. Приселкова его внимание привлекла проблема, имевшая большое методологическое значение, — вопрос о политическом пристрастии летописцев, писавших русскую историю. Представление о тенденциозности некоторых литературных памятников не было вполне чуждо буржуазной науке начала XX в. — уже А. А. Шахматов говорил, как известно, о том, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».³⁷ Однако зависимость писателя от «мирских интересов» воспринималась историками и особенно литературоведами как досадное и лишь спорадически (обычно во время «смутных времен») возникающее явление. Представление о политических тенденциях как о своеобразном недостатке, присущем лишь некоторым писателям, сохраняется в западном буржуазном литературоведении до сих пор. Большой заслугой М. Д. Приселкова уже в ранних его работах было то обстоятельство, что он взглянул на тенденциозность литературных и государственных деятелей древней Руси как на явление нормальное, не заключающее в себе ничего, нравственно унижающего этих людей: Нестор был, по его представлению, последовательным сторонником политики князя Святослава и вместе с тем крупнейшим писателем своего времени.³⁸ Посвятив почти всю свою научную деятельность летописи как историческому источнику, М. Д. Приселков пришел к представлению о политической тенденциозности как характерном и типичном свойстве исторического источника.

Это положение имеет важнейшее значение для формирования того нового, материалистического источниковедения, которое сейчас, на наших глазах, складывается как важнейшая основа марксистской, материалистической историографии. Проблемы источниковедения не сразу привлекли внимание историков-марксистов. Очень характерно в этом отношении предисловие М. Н. Покровского и Н. М. Никольского к их четырехтомной «Истории России»: «Мы не стремимся ни к каким открытиям ни в области фактов, ни в деле освещения отдельных, специальных научных проблем... — писали авторы. — Мы собираемся брать целиком у других, у исследователей первоисточников их материал и отказываемся заранее от всяких претензий на оригинальность в этом случае... Материал, собранный историками-идеалистами, нам приходится обрабатывать с материалистической точки зрения».³⁹

Легко понять опасность такого разрыва между собиранием материала

³⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

³⁸ М. Д. Приселков. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 87—94, 108—112.

³⁹ М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история. М., б. г., стр. 5—6.

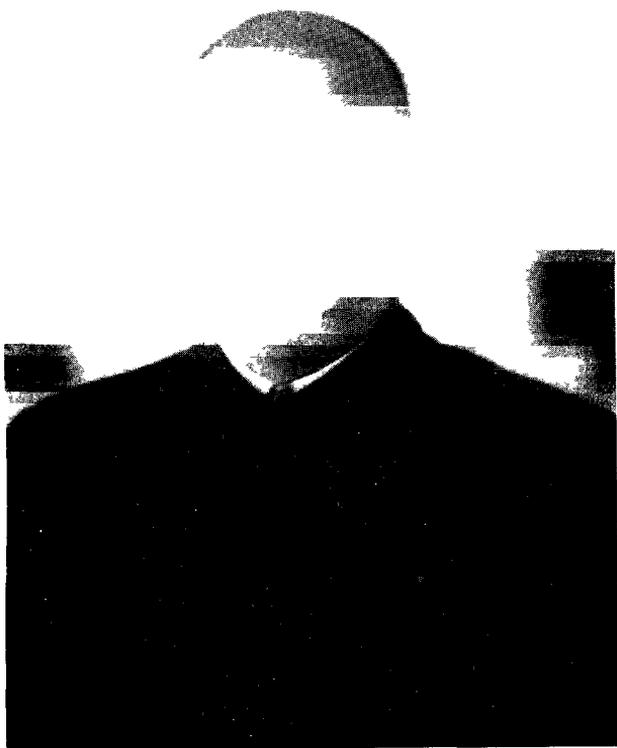
и установлением точки зрения на него. «Исследователи первоисточников», на труды которых опирались М. Н. Покровский и Н. М. Никольский, были идеалистами не только в своих общеисторических взглядах, но и в отношении к источникам. Вопрос о политической тенденциозности источников (а тем более о их классовой тенденциозности) почти не ставился в работах этих авторов. Именно поэтому исследователи XIX—начала XX в., как это показал М. Д. Приселков, с полным доверием восприняли тенденциозные построения владимирских и московских летописцев. Пересмотр основных положений старой историографии неизбежно должен начинаться с пересмотра ее источниковедческой базы.

Задача эта только сейчас, в наше время, начинает занимать подобающее место в науке. В последние годы историки все шире обращаются к новым, неопубликованным или источниковедчески не исследованным материалам, публикуют эти источники, подвергают их археографическому и текстологическому исследованию. Все большее место в советской науке занимают вопросы истории идеологии: к этому вопросу обращаются в одинаковой степени и литературоведы, и историки. Среди этих вопросов большое, особенно важное место занимают вопросы исследования политических и идеологических движений угнетенных классов. Сложность исследования таких движений заключается прежде всего в том, что они известны нам почти исключительно по враждебным им источникам: рассказам и сообщениям представителей господствующего класса. В связи с этим источниковедческие вопросы, и конкретно вопрос о возможностях и путях использования враждебно-тенденциозных источников, оказываются в центре внимания советских историков и литературоведов.

Проблемы источниковедения имеют особое значение для нашей исторической науки. Историческому материализму совершенно чуждо то весьма популярное на Западе представление, согласно которому история и вообще гуманитарные науки принципиально отличны от естественных наук и для них нет понятий научной точности. Как ни несовершенны наши исторические знания сегодня, как ни далеки мы еще от точных и естественных наук, основной задачей историк, как и всякой науки, остается исследование объективной истины, установление закономерностей развития человеческого общества. А с этим связано требование строжайшей научной точности нашей науки, абсолютная недопустимость всякого субъективизма, всякого «априоризма» в истории. «Потребительский» метод в источниковедении, непримиримым противником которого был М. Д. Приселков, тем и опасен, что он дает возможность получить в результате исследования заранее заданный исследователем результат. Никакая теория, даже самая убедительная, не может заменить источник при установлении конкретных исторических фактов: «всякая теория, — как указывал В. И. Ленин, — в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни».⁴⁰ Задача историка заключается не в том, чтобы, исходя из общих положений материалистического понимания истории, навязывать источнику свое, предвзятое решение конкретных исторических вопросов, а в том, чтобы взглянуть на самый источник с материалистической точки зрения, уметь увидеть историческую истину сквозь классовую и политическую тенденцию источника.

Материалистическое понимание истории начинается с материалистического источниковедения. В создании такого источниковедения работы крупнейшего исследователя источников, последовательного источниковедческого «мониста» М. Д. Приселкова сохраняют непреходящее значение.

⁴⁰ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 24, стр. 26.



Михаил Дмитриевич Приселков